

Новый филологический вестник

№ 4(59)
2021

Москва 2021

СОУЧРЕДИТЕЛИ

Калмыцкий научный центр РАН,
Российский научно-исследовательский институт
культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачева,
Московский педагогический государственный
университет, Балтийский федеральный университет
имени Иммануила Канта, С.С. Ипполитов.

Новый филологический вестник

№ 4 (59) ‘ 2021

Москва
2021

Журнал основан в 2005 г. Выходит 4 раза в год

Подготовка издания: Институт филологии и истории РГГУ

Выпускающие редакторы номера:

А.В. Филатов (МГУ, ИМЛИ РАН), Г.А. Филатова (МГУ)

Адрес редакции: Россия, 125993, ГСП-3, Москва, Миусская пл., 6,
Институт филологии и истории, РГГУ

Юридический адрес: 121433, Москва, Б. Филевская, 69-2-67

E-mail: philol.journal@gmail.com, philol-journal@yandex.ru

Сайт: <http://slovorggu.ru/>

При перепечатке и цитировании ссылка на
«Новый филологический вестник» обязательна.

ISSN 2072-9316

Подписной индекс по Федеральному каталогу «Урал-Пресс»: ВН011056

© Редколлегия «Нового филологического вестника», 2021

© Издательство Ипполитова, 2021

© ООО «Смелый дизайн», 2021

СОДЕРЖАНИЕ

Теория литературы

Д. Кемпер (Москва)

Эстетический модерн как макро-эпоха. Часть 1.....18

О.А. Журавлева (Самара)

Драма для чтения XVIII–XIX вв. как явление романизации
драматической формы.....30

Джонгхён ЛИ (Сеул, Республика Корея)

К вопросу о традиции и литературной памяти в
неотрадиционализме.....41

Ж.Ж. Маратова (Москва)

Авторский миф Дж.Р.Р. Толкина как игровой текст.....55

И. Яндль (Вена, Австрия)

Рассказы о несказуемом. Молчание, речь и тело в современной
литературе и музыке.....64

Нарратология

Н.К. Киселева (Москва)

Испанский «старый» романс: нарративная функция устного
рассказа.....77

Е.Ю. Козьмина (Москва – Екатеринбург)

Фантастический нарратив и проблема жанра в повести
А. Погорельского «Черная курица, или Подземные
жители».....85

Русская литература

И.А. Кравчук (Санкт-Петербург)

О «Дурачке Безобразове»: штрихи к творческой истории
романа Ф.М. Достоевского «Бесы».....98

Т.В. Федосеева (Рязань), Л.Г. Дорофеева (Калининград)

Мотив святости в автобиографических произведениях
Я.П. Полонского.....114

М.М. Одесская (Москва)

Повесть Ф.М. Достоевского «Вечный муж» и инсценировка
И.Л. Щеглова «Господин с крепом на шляпе».....125

Сюдань СУНЬ, О.Г. Лазареску (Москва)

Рассказы А.П. Чехова 1885–1890 годов: особенности
финалов.....135

Е.И. Орлова (Москва)

Статья А. Блока «Искусство и газета» в контексте «Русской
молвы».....144

А.В. Филатов (Москва)

Литературные отношения С.М. Городецкого и Н.С. Гумилева
в аспекте развития акмеизма (на материале журнально-газетной
публицистики 1911–1914 гг.).....156

А.В. Швец (Москва)

«Разочарованный лорнет», американские ботинки, афиши:
стратегии интерпретации речевых актов футуристов.....172

Т.А. Пономарева (Москва)

Мотивы отплытия / отлета в поэзии Н.А. Клюева.....188

Е.Р. Пономарев (Москва – Санкт-Петербург)

Переписка Буниных с Зайцевыми. 1920-е годы.....208

М.А. Жиркова (Санкт-Петербург)

Один день из жизни русского эмигранта. К проблеме
эволюции поэзии Саши Черного в эмиграции.....217

В.С. Зайцев (Москва)

Творчество А.И. Роскина в контексте советского чеховедения
1920–1930-х гг.....230

М.Н. Коннова (Калининград)

Хронотоп праздника в романе И.С. Шмелёва «Лето
Господне»: аксиологический аспект.....241

Н.С. Катанаяев (Москва)

Скоморох Алексей Крученых: стихотворные посвящения
Н.И. Харджиева.....255

М.А. Александрова (Нижний Новгород)

«Среди роз...»: фронтовой элизим Булата Окуджавы.....264

С.Ф. Меркушов (Москва)

Опыт прочтения пьесы «Офени ушли» Н. Садур сквозь призму интерпретации «пограничных» частей текста (заглавие, пролог, эпилог).....275

И.С. Леонов (Москва)

Специфика повседневности в приходской прозе XXI в. (на материале рассказа протоиерея Александра Шантаева «В праздник»).....286

Компаративистика

Е.А. Соловьева (Ростов-на-Дону)

Передача некоторых военных реалий во французских переводах XIX в. романа М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени».....296

К.В. Синегубова (Кемерово)

«Охота на Снарка» Л. Кэрролла в романе М. Петросян «Дом, в котором...».....311

Зарубежные литературы

С.А. Жилюк (Санкт-Петербург)

Традиционные и новые подходы к изучению германского эпоса о нибелунгах. Часть 2.....321

Н.И. Соколова (Москва)

Интерпретация средневекового сюжета в поэме М. Арнольда «Тристрам и Изольда».....339

К.В. Новак (Санкт-Петербург)

Жанровый аспект военной прозы Амброза Бирса.....350

А.В. Григоровская (Тюмень)

Размышления об «американской мечте» в творчестве Айн Рэнд (на примере рассказа «Ее вторая карьера»).....363

О.А. Маркелова (Москва)

Особенности сагового интертекста в романе «Ангедония» Рунара Хельги Вигниссона.....372

Проблемы калмыцкой филологии

Материалы раздела предоставлены Калмыцким научным центром РАН

Д.В. Убушиева (Элиста)

Мотив смеха и плача в калмыцком фольклоре.....382

Б.Б. Манджиева (Элиста)

Композиционное своеобразие песен Малодербетовского цикла
эпоса «Джангар».....400

Д.Н. Музраева (Элиста)

О приметах, связанных с сорокой (На материале монголоязычных
письменных источников из Национального музея
им. Алдан-Маадыр Республики Тыва).....415

Р.М. Ханинова (Элиста)

Бестиарий басни в калмыцкой поэзии XX в. Статья вторая.....426

Обзоры и рецензии

Романова И.В. (Смоленск)

Воскрешение жанра. Рецензия на книгу: Артёмова С.Ю.
Лирические жанры сегодня. Тверь: Тверской государственный
университет, 2020. 191 с.....440

А.В. Филатов (Москва)

**ЛИТЕРАТУРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ С.М. ГОРОДЕЦКОГО
И Н.С. ГУМИЛЕВА В АСПЕКТЕ РАЗВИТИЯ АКМЕИЗМА**
*(на материале журнально-газетной публицистики 1911–1914 гг.)**

Аннотация. В статье исследуется развитие литературных и личных отношений С.М. Городецкого и Н.С. Гумилева в период создания «Цеха поэтов» и разработки теории акмеизма, а также в первые годы существования этого поэтического движения. На материале критико-литературных публикаций и корреспонденции двух поэтов демонстрируется их стремление не только определить принципы новой литературной школы еще до ее провозглашения в печати, но и теоретически обосновать появление акмеизма в современном литературном процессе. Сопоставление рецензий на «Антологию» (1911) издательства «Мусaget», в которой приняли участие оба поэта, позволяет предположить, что Городецкий в это время был более заинтересован в укреплении отношений с будущим соратником, чем Гумилев. Городецкий подчеркивает художественную ценность «Абиссинских песен», однако сам не удостоивается от их автора высокой оценки. В рецензиях на книги стихов «Ива» (1912) и «Чужое небо» (1912) оба поэта подчеркивают синтетический характер акмеизма, аккумулирующий достижения предшествующих течений, а также его статус литературной школы, противостоящей символизму. Анализ однодневной переписки Городецкого и Гумилева в апреле 1914 г. позволяет прийти к выводу, что именно наличие у акмеизма двух лидеров с разными эстетико-философскими взглядами стало причиной возникшего конфликта. Делается предположение, что обвинения Городецкого основываются на неправильном понимании им слов Гумилева, который продолжал считать акмеизм школой со своей поэтикой и художественным мировоззрением.

Ключевые слова: С.М. Городецкий; Н.С. Гумилев; В.Я. Брюсов; символизм; акмеизм; «Аполлон»; литературная школа; литературная критика; публицистика.

A.V. Filatov (Moscow)

**Literary Relations between S.M. Gorodetsky and N.S. Gumilev
in the Aspect of Acmeism Development (based on the Material
of Magazine and Newspaper Journalism of 1911–1914)****

Abstract. The article examines the development of literary and personal relations between S.M. Gorodetsky and N.S. Gumilev in times of the foundation of the “Guild

* Работа выполнена в Институте мировой литературы имени А.М. Горького РАН за счет гранта Российского научного фонда (РНФ, проект № 20-18-00003).

** The work was done at A.M. Gorky Institute of World literature of the Russian Academy of Sciences with the support of the grant of the Russian Science Foundation (RSF, project number 20-18-00003).

of Poets” and the emergence of Acmeism theory, as well as in the first years of of this poetic movement. The material of critical and literary articles and correspondence of the two poets demonstrates their desire not only to establish the principles of a new literary school even before its proclamation in the press, but also to theoretically justify the appearance of Acmeism in the modern literary process. A comparison of the reviews of the “Anthology” (1911) by “Musaget” publishing house, in which both poets took part, suggests that Gorodetsky was more interested in strengthening relations with Gumilev than his future ally, Gorodetsky highlights the artistic value of Gumilev’s “Abyssinian Songs”, while he himself does not receive high praise from their author. In the reviews of the books of poems “Willow” (1912) and “Alien Sky” (1912), both poets put emphasis upon a synthetic nature of Acmeism, accumulating the achievements of previous trends, as well as its status as a literary school that opposes symbolism. The analysis of the one-day correspondence between Gorodetsky and Gumilev in April 1914 enables us to conclude that it was the presence of two leaders with different aesthetic and philosophical views in Acmeism that caused the conflict between them. The author puts forward an assumption that Gorodetsky’s accusations are based on an incorrect understanding of the words of Gumilev, who continued to consider Acmeism a school with its own poetics and artistic worldview.

Key words: S.M. Gorodetsky; N.S. Gumilev; V.Ya. Bryusov; symbolism; acmeism; “Apollo” magazine; literary school; literary criticism; journalism.

Рассмотрев в предыдущей статье начало формирования отношений С.М. Городецкого и Н.С. Гумилева как символистов [Филатов 2020], прошедших путь от неприятия друг друга к творческому союзу и преодолению старшей школы, в данной работе мы обратимся ко времени их сотрудничества и создания теории акмеизма, сосредоточившись на конфликте между поэтами в апреле 1914 г.

Большое влияние на сближение Гумилева и Городецкого оказала их солидарность в критике концепции кризиса символизма, разработанной Вяч. Ивановым и обсуждавшейся на заседаниях «Общества ревнителей художественного слова» весной 1910 г. [см.: Кузнецова 1990]. И хотя оба поэта оспаривали положения Иванова с совершенно различных позиций, выявление подобных расхождений с хозяином «башни» могло побудить их искать альтернативные пути для развития нового искусства и сотрудничества, что не мешало им при этом взять на вооружение ивановскую идею синтеза противоположных течений. Возможно, поэтому год спустя Городецкий положительно отзывался о стихотворениях Гумилева в «Антологии» (1911) издательства «Мусагет», намеренно, на наш взгляд, сравнивая сборник с поэтическим журналом «Остров» («с такой определенностью и надменностью задача поставлена была только, кажется в скромном “Острове”» [Городецкий 1911, 3]), участие в издании которого принимал его будущий союзник:

Необыкновенной свежестью проникнут цикл “Абиссинских песен” Н. Гумилева. Эти четыре песни – военная, про пять быков, невольничья и про занзи-

барских девушек – чаруют своим девственным простодушием. Особенно хороша история бедного абиссинца, прослышавшего, “что далеко, на севере, в Каире, занзибарские девушки пляшут и любовь продают за деньги”, отправившегося туда “на своем единственном муле”, почти два года шедшего, и только там, в Каире, вспомнившего, “что у него нет денег” и пошедшего “назад той же дорогой”. Пятое его стихотворение, отравленное сплином, – слишком здешнее, петербургское, немощное, особенно на фоне предыдущих песен [Городецкий 1911, 3].

С одной стороны, в этом отрывке мы видим пример прежней критики Городецкого, всегда подчеркивавшего как положительные, так и отрицательные стороны поэзии Гумилева (в данном случае это земная «естественность» образов и меланхолическая тональность стихотворения «Ослепительное»). С другой стороны, молодому поэту в рецензии уделено гораздо больше внимания, чем более известным «формотворцам» М. Волошину и М. Кузмину, которые, по словам Городецкого, «дали типичнейшие для себя стихотворения» [Городецкий 1911, 3] и поэтому не удостоились быть процитированными. На этом фоне шагом к сближению не столько с кружком «Аполлона», сколько именно с Гумилевым можно также считать упоминание в рецензии имени еще неизвестной широкому читателю Анны Ахматовой, стихи которой не вошли в «Антологию» (как отмечает Р.Д. Тименчик, именно в этой публикации Городецкий «первым на страницах русской прессы назвал ее имя» [Тименчик 2010, 34]).

Стоит отметить, что в «Абиссинских песнях» Гумилев действительно обращается к нехарактерной для него, зато столь ценимой Городецким стихии народного творчества (пусть и представленного не в национальном русском, а в экзотическом абиссинском варианте). При этом адепта теории мифотворчества, совмещавшего в своей поэзии фольклорные предания с художественной стилизацией и вымыслом, вряд ли смутило признание Гумилева в том, что его песни «написаны независимо от настоящей поэзии абиссинцев» [Гумилев 1998–2007, VII, 96]. Последний в своем отзыве на «Антологию» оценил включенные в нее стихотворения Городецкого более сдержанно, не переходя, однако, к прямой критике: «Стихи Сергея Городецкого датированы 1908 г. Поклонники его поэзии прочтут их с удовольствием, противников они ни в чем не разубедят» [Гумилев 1998–2007, VII, 96]. Сопоставляя эти взаимные отклики, напечатанные за несколько месяцев до создания «Цеха поэтов», можно прийти к мысли, что Городецкий был даже более заинтересован в укреплении отношений с Гумилевым, чем его будущий соратник.

Это предположение усилится, если вспомнить, что первое заседание «Цеха» 20 октября 1911 г. состоялось именно в квартире Городецких, хотя оно, как замечает О.А. Лекманов, скорее, было похоже на «писательскую вечеринку» [Лекманов 2000, 20] и не включало в себя подробное обсуждение и разбор прочитанных стихотворений под председательством одного из синдигов, что стало визитной карточкой этого литературного объединения. Впрочем, такое решение могло быть продиктовано как территори-

альным удобством (Гумилев в то время жил в Царском Селе, а не в Петербурге), так и тем, что в начале 1910-х гг. Городецкий был более известным литератором. Это также объясняет, почему именно он выступил с лекцией «Символизм и акмеизм» в подвале «Бродячей собаки» 19 декабря 1912 г., в то время как другой синдик только участвовал в прениях и дополнял докладчика.

Происходившая на протяжении 1912 г. разработка эстетико-философской платформы акмеизма как совместного литературного проекта двух поэтов находила отражение в их критико-литературных публикациях. Логично предположить, что наиболее «программными» в данном случае были их отзывы о творчестве друг друга, поскольку в них Городецкий и Гумилев стремились не только высветить черты зарождающегося поэтического движения, но и теоретически обосновать его появление в современном литературном процессе, а также определить его статус. Можно сказать, что эти тексты служат своего рода апробацией положений, высказанных позднее в акмеистических манифестах.

Так, рецензируя книгу стихов Городецкого «Ива» (1912), Гумилев особенно подчеркивает его «безудержность творческих сил, отсутствие колебания перед выполнением задуманного и единообразие стиля» [Гумилев 1998–2007, VII, 135], соответствующие художественным и мировоззренческим принципам акмеизма, и считает необходимым обозначить литературный путь своего союзника, выделив в нем символистский, мифотворческий и акмеистический этапы. По его словам, только обратившись к акмеизму, Городецкий сумел облечь свою мысль в «живую и осязаемую плоть *самоценного и дееспособного образа* (курсив здесь и далее наш. – А.Ф.). Отсюда – бледность и вялость его символических попыток, потому что *теперь символизм просто литературная школа*, к тому же закончившая круг своего развития, а не голос на пути в Дамаск, как это было для первых символистов... <...> Мечтающий о мифе Сергей Городецкий понял, что *ему необходима иная школа*, более суровая и плодотворная, и обратился к акмеизму. “Акмеизм” <...> в сущности и есть мифотворчество» [Гумилев 1998–2007, VII, 136].

Помимо манифестации творческой стойкости, отказа от поэтики символа в пользу категории образа и констатации «синтетичности» акмеизма, сближающегося с мифотворчеством, здесь Гумилев стремится представить новое поэтическое движение именно как литературную школу, т.е. «небольшое объединение литераторов на основе единых художественных принципов, <...> сформулированных теоретически» [Кормилов 2001, 606] (отметим, что в гумилевском манифесте и символизм, и акмеизм попеременно именуются «направлением», «течением», «школой», что лишь указывает на синонимический характер данных понятий для автора). При этом определение символизма как «просто литературной школы» сигнализирует о том, что в понимании Гумилева для существования подобного объединения недостаточно только формальных критериев, но также необходимо наличие объединяющего художественного мировоззрения.

Обсуждение данного вопроса, по-видимому, происходило между теоретиками акмеизма уже осенью 1912 г., поскольку Городецкий начинает свою рецензию на книгу стихов Гумилева «Чужое небо» (1912) именно с рассуждения о школах:

Выступивший в 1905 году с первым сборником стихов «Путь конквистадоров», Н. Гумилев последующими своими сборниками <...> обнаружил в своем поэтическом портрете черты, несколько непривычные. *Русская поэзия не знает школ, в европейском смысле этого слова. Ее развитие порывисто и отнюдь не методологично.* Н. Гумилев устроил для себя одного школу, объявив своим учителем Валерия Брюсова и с упорством приступив к развитию и культивированию начал, положенных в творчество избранного им мэтра. Строгое внимание к форме, преобладание метрики над ритмикой, господство воли над чувством, холода над пылом, мысли над ощущением, – *вот характерные признаки этой школы* [Городецкий 1912, 3].

В данном фрагменте Городецкий повторяет мысль самого Гумилева, рассуждавшего полугодом ранее о «брюсовской школе» в рецензии на книгу стихов «Зеркало теней» (1912): «Валерий Брюсов усвоил *характерные черты всех бывших до него литературных школ* <...>. Но он прибавил к ним нечто такое, что заставило их загореться новым огнем и позабыть прежние распри. Может быть, *это нечто есть основание новой, идущей на смену символизма, школы*» [Гумилев 1998–2007, VII, 118]. Как видно, в отличие от Городецкого Гумилев осмысляет литературой процесс именно как смену различных школ и хочет обосновать синтетический характер готовящегося акмеизма аналогичным свойством поэтики Брюсова. Тот факт, что Городецкий – бывший адепт теории Иванова – не считает символизм школой, может показаться неожиданным, однако такая точка зрения в то время была довольно распространенной (ср.: «Символизму отказывают в названии литературной школы, и с этим охотно соглашаются его сторонники. Утверждают, что его представители слишком индивидуальны, что в стремлениях их мало единства, что они не связываются в одну поэтическую группу, как представители романтизма или натурализма» [Горнфельд 1900, 912]). Это положение явно разделял Городецкий, годом позже вновь рассуждая о символизме именно как о духовном, а не литературном явлении (пусть и в отрицательном контексте): «Символизм не оказался мировоззрением, достаточно прочным, широким и демократическим» [Городецкий 1914, 15].

Несмотря на это частное расхождение в определении статуса символизма, в целом критические статьи двух поэтов дополняют друг друга, выстраивая общую картину литературного процесса накануне провозглашения акмеизма, который, как подчеркивал Гумилев в другой рецензии на «Иву», «требует синтетических достижений» [Гумилев 1998–2007, VII, 143] и поэтому позволяет его участникам сочетать в своем творчестве принципы разных школ и течений, будь то мифотворчество или парнас-

сизм. Следуя этой же логике, Городецкий изображает Гумилева одновременно учеником Брюсова и предвестником новой школы, черты которой обнаруживаются им в стихах «Чужого неба»: «Никогда Н. Гумилев не позволит проскользнуть слову зыбкому, с растяжимым смыслом. Скорее он убьет свое собственное стихотворение, чем допустит, чтобы между словами завелись какие-нибудь магические пашни» [Городецкий 1912, 3]. Предваряя положения будущих теоретических статей вплоть до отдельных словесных переключек, критик продолжает: «Это не книга символов, но это книга *жизнеспособных образов* (ср. с «дееспособным образом» Гумилева. – А.Ф.). Поэзия здесь разгружена от тяжестей, взваленных на нее последнее время, но не разоружена, не лишена своих новых доспехов. Ни мистики, ни магии, ни каббалистики, ни теософии нет в этих стихах» [Городецкий 1912, 3] (ср. с гумилевским высказыванием о символизме, который «брался то с мистикой, то с теософией, то с оккультизмом» [Гумилев 1998–2007, VII, 149]). В финале рецензии Городецкий фактически предвещает появление акмеизма, но, в отличие от соратника, еще не использует это название: «По-видимому, *начинается что-то*, эквивалентом чему является уравновешенная поэзия Гумилева. Уже многим страшна неврастеническая мистика последних лет. Хочется слов спокойных и полновесных» [Городецкий 1912, 3].

Таким образом, еще перед декларацией акмеизма в печати, его основоположники стремились в своих критико-литературных выступлениях акцентировать внимание на чертах новой школы в творчестве друг друга и обозначить ее генезис, упреждая будущие замечания оппонентов. К сожалению, эти попытки не достигли большого успеха, и сам Брюсов, который, как надеялся Гумилев, «поддержит акмеизм» [Записные книжки 1966, 82], выступил с его критикой именно по обозначенным пунктам: «Акмеизм <...> ничем в прошлом не подготовлен и ни в каком отношении к современности не стоит. <...> Акмеисты <...> начали именно с теории, а произведений пока что у них нет вовсе» [Брюсов 2014, 182].

Возвращаясь к рассмотрению литературных отношений Гумилева и Городецкого, необходимо отметить, что программная «синтетичность» акмеизма как школы содержала в себе скрытое противоречие, так как могла трактоваться по-разному: либо в процессе синтеза творческих принципов обоих поэтов рождается качественно новый феномен, не сводимый к их формальной сумме, либо, взаимодействуя и обогащая друг друга, эти группы принципов продолжают осмысляться как характерные для индивидуальной поэтики каждого из авторов. Несмотря на то что рассмотренные рецензии теоретиков акмеизма обнаруживают ряд общих установок, свидетельствующих об их «программности», само наличие у этого движения двух идеологов с разными творческими путями (в то время как исторически литературные школы чаще всего представляют собой группы, объединенные вокруг одного лидера [см.: Волкова 2005, 302–303]) создавало потенциально конфликтную ситуацию.

Отчасти такое организационное решение было деятельным примером

акмеистического принципа «всегда идти по линии наибольшего сопротивления» [Гумилев 1998–2007, VII, 148]. Как пишут М. Баскер и Ш. Греем, «Гумилев и Городецкий, по всей видимости, и не думали во всем стать единомышленниками: наоборот, “разность” между ними была возведена в некий принцип их литературной школы» [Баскер, Греем 1986, 265]. Это подтверждают воспоминания К. Мочульского, по словам которого расхождение Городецкого «с будущими акмеистами наметилось с самого начала. Однако, участие его в общей работе прошло не без пользы: его утверждения всегда возбуждали самый страстный протест, и в полемике с ним осознались положения нового поэтического учения» [Мочульский 1922, 2]. О том, что подобная полемичность была сознательной, свидетельствует стихотворный спор между Гумилевым и Городецким о творчестве художника Фра Беато Анжелико [см.: Чабан 2011, 97–100], вынесенный на страницы первого номера «Гиперборея» в октябре 1912 г. Симптоматично также замечание Гумилева, отметившего в прениях после лекции Городецкого «Символизм и акмеизм», что в ней «говорилось главным образом об адамизме, а не об акмеизме» [Смесь 1913, 71]. Эта реплика подтверждает, что даже накануне публикации манифестов между обоими лидерами акмеизма не было полного единодушия в вопросах теории новой школы.

По всей видимости, результатом усиления этих разногласий спустя полтора года стал конфликт между поэтами, дошедший до нас в однодневной переписке от 16 апреля 1914 г. В первом письме Городецкий обвиняет Гумилева в отходе от акмеизма, основываясь на результатах прерванного в тот же день личного разговора:

Дорогой Николай.

<...> Я давно уже замечаю в тебе уклон от акмеизма. *Сегодня ты сказал, что не считаешь его школой и этим, мне кажется, ликвидировал свое в нем участие.* На самом акмеизме, как ты легко можешь заключить, если вспомнишь наши выступления и отклики на них печати, это не отразится никак. *Что начал я, то живет и развивается.* Если ты еще не видишь, *во что развивается у меня акмеизм,* то увидишь это вскоре. Литературный Политехникум интересовал меня именно как возможность ускорить это развитие. <...> Ты сказал сегодня приблизительно то, что, если не будет Лит<ературного> Пол<итехникума>, *то наша дружба теряет смысл.* Я на союз наш никогда не смотрел корыстно, и твой этот взгляд считаю униженным и для союза, и для Политехникума. Если так, то нет ни того, ни другого. <...> Объяснения твои относительно появления изд<ательства> «Гиперборей» я не могу признать достаточными и заявляю о полной своей непричастности к этому делу. То же самое ты с твоими мог бы сделать относительно «Цеха Поэтов», мне дорогого и мной на произвол судьбы и гибель отнюдь не покидаемого (цит. по: [Азадовский 2018, 190–191]).

Напомним, что «уклоны» и перемены эстетических платформ были характерны в первую очередь для самого Городецкого, о чем ему часто напоминали критики: «Городецкий был “мистическим анархистом” и даже

удивлялся, как можно не быть им; Городецкий был “мифотворцем”; Городецкий был, кажется, и “мистическим реалистом”. Все это проходило, забывалось. Теперь Городецкий акмеист. Вероятно, пройдет и это» [Ходасевич 2014, 346]. Более того, автор письма обвиняет Гумилева в отступлении от акмеизма точно так же, как тремя годами ранее обвинял своего учителя Иванова в отходе от символизма за его положительное отношение к поэтам круга «Аполлона». Однако в данном случае инвектива Городецкого связана с вопросом статуса акмеизма, который, как следует из письма, Гумилев по какой-то причине больше не считает школой. При этом адресант пишет о литературном движении не как о совместном деле, а как о собственном проекте («что начал я», «во что развивается у меня»), вероятно, намекая Гумилеву на то, что именно его в печати чаще называли главой новой школы (ср.: «цех молодых поэтов с Сергеем Городецким во главе» [Анчар 2014, 132], «Сергей Городецкий, застрельщик и глава нового течения» [Новости литературы 2014, 179], «молодые поэты, группирующиеся вокруг Сергея Городецкого и называющие себя <...> акмеистами» [Львовский 2014, 219]). На этом основании автор письма и считает себя вправе обвинить Гумилева в корыстном использовании их союза, говоря, как считает Тименчик, о совместных планах учреждения цикла лекций для начинающих поэтов «Литературный политехникум» [Неизвестные письма... 1987, 70–71]), и предлагает поделить общее наследие в виде «Цеха поэтов» и издательства «Гиперборей». Очевидно, что предложение Городецкого не соответствует акмеистической идее равновесия, поскольку существующий с 1911 г. «Цех» на тот момент уже приобрел достаточную известность в литературных кругах, тогда как издательство «Гиперборей» было образовано лишь в марте 1914 г. после ликвидации одноименного журнала.

Ответ Городецкому был написан в тот же день, о чем известно благодаря сохранившемуся черновику письма, исправления в котором позволяют увидеть, что задело Гумилева больше всего и как он составлял свой ответ, смягчая или, напротив, заостря отдельные моменты:

Дорогой Сергей,

письмо твое я получил и считаю его неприличным тон его совершенно неприемлемым: во-первых, *из-за резкой передержки, которую ты допустил, заменив слово «союз» словом «дружба» в моей фразе о том, что наш союз потеряет смысл, если не будет «Литературного» Политехникума»*; во-вторых, *из-за оскорбительного в смысле этики выраженья «ты с твоими», потому что никаких «моих» у меня не было и быть не может*; в третьих, *из-за того, что решать о моем уходе от акмеизма или из Цеха Поэтов могу лишь я сам, и твоя инициатива в этом деле будет была бы только предательской*; в-четвертых, *из-за странной мысли, что я давал тебе какие-то «объяснения» по поводу издательства Гиперборей, так как никаких объяснений я не давал да и не мог стал бы давать, а просто повторил то, что тебе было известно из разговоров с другими участниками этого издательства; которому я не сочувствовал с самого начала, не сочувствую и теперь.*

Однако та любовь, которую я питал к тебе те отношения, которые были у нас за эти три года, вынуждают меня попытаться объяснить с тобой. <...>. Я всегда был с тобой откровенен и, поверь, не стал бы стану цепляться за нашу дружбу наш союз, если бы увидел, что ей ему суждено кончиться. Я и теперь думаю, что нам следует увидаться и поговорить без ненужной мягкости, но и без излишней излишнего надрыва.

К тому же, после нашего союза осталось слишком большое наследство, чтобы его можно было ликвидировать одним взмахом пера, как это думаешь сделать ты. <...> Писем, я думаю, больше писать не надо, потому что уж очень это не акмеистический способ общенья (цит. по: [Степанов 2019, 8–10]).

Текст письма свидетельствует, что Гумилев не намеревался прекращать творческий союз с Городецким и, напротив, особо отмечал единство акмеизма: неслучайно он обращает внимание адресата на недопустимость подмены, казалось бы, синонимичных слов «союз» и «дружба», подчеркивая этим важность их личных отношений для поэтического движения, которые, однако, этим движением не ограничиваются. Разделение участников «Цеха» на учеников каждого из двух синдиков также воспринимается им как нарушение программной «синтетичности» акмеизма, ведущей к его ликвидации.

Внесенные Гумилевым исправления раскрывают его стремление придать письму более сдержанный характер. Он называет тон письма Городецкого «неприемлемым» вместо «неприличным», т.е. переводит свой упрек с этической плоскости в субъективно-оценочную; меняет реальное наклонение глагола на ирреальное, чтобы понизить степень эмотивности («твоя инициатива <...> была бы только предательской» вместо «будет предательской»); дистанцируется от издательства «Гиперборей», хотя в итоге зачеркивает фразу о своем безразличии к этому проекту; использует вместо высокопарного выражения «любовь, которую я питал к тебе» более нейтральную фразу «отношения, которые были у нас», снижающую пафос письма.

В то же время исправления в третьем абзаце показывают готовность Гумилева к возможному разрыву личных отношений с Городецким. Фраза «не стал бы цепляться за нашу дружбу, если бы увидел, что ей суждено кончиться» заменяется более уверенной «не стану цепляться за наш союз, если ему суждено кончиться», хотя общий смысл фразы и смягчается за счет замены «дружбы» «союзом» (интересно, что Гумилев совершает в черновике ту же лексическую подмену, которую называет неприемлемой в письме Городецкого). В целом поправки указывают на стремление преодолеть тот самый «излишний надрыв» (вместо «излишней истерики»?), о ненужности которого поэт пишет в конце письма, требуя личной встречи, а не продолжения переписки, потому что «уж очень это не акмеистический способ общения». Данное определение оказывается в лексиконе Гумилева не только отсылкой к названию школы, но и синонимом слова «мужественный», поскольку сам поэт утверждал, что «акмеизм отдает ре-

шительное предпочтение мужскому началу» [Смесь 1913, 71], и определял адамизм как «мужественно твердый и ясный взгляд на жизнь» [Гумилев 1998–2007, VII, 147]. По сути, в финале письма Гумилев упрекает своего адресата в отсутствии мужественности, что недостойно настоящего акмеиста.

Городецкий заканчивает эту однодневную переписку еще одним письмом, в котором не отступает от своих претензий, но все же излагает их в более мягком варианте:

Дорогой Николай,

<...> ты должен выслушать возражения на «тона» твоего письма, действительно неверные.

1. Союз для меня равняется дружбе, и потому то, что тебе кажется передержкой, есть только идеализация наших отношений.

2. «Твои» никого и ничем не оскорбляют, смею тебя уверить. Мы с тобой не раз делили Цех на твоих и моих – вспомни.

3. *От акмеизма ты сам уходишь, заявляя, что он не школа*; также и из Цеха, говоря, что он погиб. Я только требую соответствия между образом мыслей и поступками. Слово «предательство» ты не имел право употреблять даже с глаголом в сослагательном наклонении.

4. Объяснений я требовал не раз насчет «Гиперборея». Ты совершенно напрасно отделываешься шутками. Ответственным считаю я тебя, потому что дело было решено твоим, без моего ведома, попустительством. <...>

Надеюсь, ты теперь согласишься, что «тон» моих писем вполне приемлем и акмеистичен (цит. по: [Степанов 2019, 13–14]).

Наиболее серьезное обвинение здесь содержится в третьем пункте и повторяет положение из первого письма о статусе акмеизма как школы. Поскольку Гумилев никак не оспаривает его в своем ответе, Городецкий, вероятно, достаточно точно излагает слова своего коллеги. Однако всего за три дня до этой переписки 13 апреля 1914 г. поэт подтвердил свою прежнюю позицию по этому вопросу в прениях после доклада М. Кузмина в «Бродячей собаке»: «Н. Гумилев <...> находил школы необходимыми, как ярлыки и паспорта, без которого <...> человек только наполовину человек и нисколько не гражданин» [Кузмин 1914, 6]. На наш взгляд, так лидер акмеизма мог отреагировать на следующие положения Кузмина: «Результаты всяких школ должны быть техническими; неудобство, почти невозможность идеалистических оснований литературных школ. <...> Единственный критерий (их выделения. – А.Ф.) может быть только технический разбор языка и стиха» [Кузмин 1914, 6].

Представляется маловероятным, что Гумилев, совсем недавно подчеркивавший необходимость школ в литературном процессе, решил в разговоре с Городецким пересмотреть статус акмеизма, над теоретическим обоснованием которого они так много работали вместе. Для понимания ситуации нужно учитывать контекст доклада Кузмина, который предлагал

выделять школы только по формальным критериям, тогда как для Гумилева не менее обязательными были «идеологические основания», и в прениях он мог пытаться отстоять именно такое определение школ в литературе. Возможно, в беседе с соратником Гумилев как раз и подчеркивал, что не считает акмеизм школой в узком, кузминском понимании, т.е. видит в нем не «просто литературную школу», имеющую, подобно позднему символизму, только технические задачи, а «союз индивидуальных поэтических стилей» [Ронен 2008, 217], но с общим художественным миропониманием. Примечательно, что в схожем ключе в то время трактовал акмеизм сам Городецкий, заявляя, что он «существует не только как литературная теория, выработанная опытом группы поэтов (т.е. школа – А.Ф.) и принесшая уже явную пользу нашему искусству, но и как мировоззрение, категорически утверждающее первенство и главенственность <...> нашего, земного мира, и первой своей заповедью считающее творческое к этому миру отношение» [Городецкий 1914, 15–16]. Как справедливо отмечает Л.Г. Кихней, «сами акмеисты связывали поэтическое отмежевание от символистов и зарождение своего течения с новым типом мироощущения» [Кихней 2001, 10], поэтому вряд ли лидеры акмеизма имели в тот момент сильные теоретические разногласия на этот счет. С другой стороны, в словах Гумилева, так задевших его товарища, могла содержаться мысль о достигнутой акмеизмом «зрелости» и преодолении его участниками, а также некоторыми «цеховиками» периода ученичества (т.е. школы в буквальном смысле). Предположим, что именно подобные рассуждения, подрывавшие авторитет лидеров движения и устоявшуюся иерархию кружка, могли вызвать столь резкое неприятие Городецкого.

В пользу этого говорит и то, что помимо собственно теоретических вопросов конфликт двух синдигов мог иметь и личные причины. Одной из них могла стать неявка Гумилева и участников «Цеха поэтов» на доклад Городецкого «Об акмеизме и его критиках», прочитанный 7 марта 1914 г. в Литературном обществе и воспринятый достаточно негативно. Изначально оба поэта намеревались выступать на этом заседании вместе, а положения их докладов должны были подкрепляться чтением акмеистических стихов, однако, как сообщает газета «День», «ни докладчик Гумилев, ни его иллюстраторы из “цеха поэтов” не только не явились засвидетельствовать, что символизма больше не существует, но не предупредили даже об этом совет Литературного общества <...>. Таким образом, весь “вечер об акмеизме” был сведен к тому, что г. Сергей Городецкий <...> отчитывал своих критиков, явивших образец “искусства непонимания”» [В литературном обществе 1914 а, 3]. Это подтверждала и заметка в газете «Речь»: «За докладом (Городецкого. – А.Ф.) должно было последовать сообщение на ту же тему Н. Гумилева и чтение стихов этих поэтов и еще некоторых представителей той же группы. Но на заседание явился только С.М. Городецкий, и это отразилось на полноте мотивировки и доказательств в его докладе» [В литературном обществе 1914 б, 4].

Вполне возможно, что после такого поступка своего «союзника» Го-

родецкий посчитал себя вправе обвинить его в отступлении от акмеизма. Вероятно, в качестве шага примирения вскоре после однодневной переписки Гумилев подготовил и прочел обещанный доклад «Искусство аналитическое и синтетическое» на заседании Литературного общества 25 апреля, где также присутствовали другие акмеисты, включая Городецкого. В своем выступлении поэт вновь подчеркнул мысль, что «метод акмеизма синтетичен» [Акмеисты, футуристы, стилизаторы 2014, 381]. В контексте доклада это противопоставляло его аналитическому методу символизма и футуризма, а в контексте взаимоотношений с Городецким напоминало о важности их союза и синтетическом характере общей литературной школы.

Конфликт двух поэтов закончился примирением. Городецкий подарил соратнику свою новую книгу стихов «Цветущий посох» (1914) с дарственной надписью «Н. Гумилеву на долгую и добрую память о том, как были синдиками» [Степанов 2019, 14]. Последний в свою очередь отблагодарил коллегу в целом положительной рецензией: «У “Цветущего посоха” много недостатков, может быть, больше, чем позволено в наши дни для книги поэта с именем. <...> Но ощущения, создавшие эту книгу, новы и победительны, и в эйдолологическом отношении она является ценным и крайне своевременным вкладом в поэзию» [Гумилев 1998–2007, VII, 173]. И хотя рассмотренная переписка обнажила противоречия внутри акмеизма, организационная деятельность которого, как и дружеские отношения его лидеров, постепенно прекратилась в связи с началом Первой мировой войны, нельзя игнорировать тот общий философско-эстетический фундамент, обнаруживаемый в их критико-литературных статьях и свидетельствующий о совместной разработке двумя поэтами целостной концепции нового искусства. Именно эта близость взглядов и делала возможной полемику между двумя литераторами, чьи пути «преодоления символизма» имели много общего.

Таким образом, творческий союз Городецкого и Гумилева был результатом их сознательного стремления создать новую литературную школу, способную «синтетически» аккумулировать достижения предшествующих поэтических школ и теорий, включая отдельные черты тех символистских течений, к которым оба поэта примыкали ранее. Теоретические принципы этой школы декларировались в их критико-литературных публикациях еще до появления манифестов в печати. В то же время «программное» наличие у акмеизма двух лидеров с разными эстетико-философскими взглядами создавало конфликт внутри самого движения, итогом которого стали разногласия между поэтами в 1914 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. <Б.п.> Акмеисты, футуристы, стилизаторы и пр. // Акмеизм в критике. 1913–1917 / сост. О.А. Лекманов, А.А. Чабан. СПб.: Гуманитарная академия; Изд-во Тимофея Маркова, 2014. С. 380–382.

2. (а) <Б.п.> В литературном обществе // День. 1914. 9 (22) марта. № 66. С. 3.
3. (b) <Б.п.> В литературном обществе // Речь. 1914. 9 (22) марта. № 43. С. 4.
4. <Б.п.> Новости литературы и искусства // Акмеизм в критике. 1913–1917 / сост. О.А. Лекманов, А.А. Чабан. СПб.: Гуманитарная академия; Изд-во Тимофея Маркова, 2014. С. 179.
5. <Б.п.> Смесь // Аполлон. 1913. № 1. С. 70–71.
6. Азадовский К. Из архива Н.С. Гумилева // Звезда. 2018. № 5. С. 179–194.
7. Анчар. Акмеисты // Акмеизм в критике. 1913–1917 / сост. О.А. Лекманов, А.А. Чабан. СПб.: Гуманитарная академия; Изд-во Тимофея Маркова, 2014. С. 131–133.
8. Баскер М., Греем Ш. Примечания // Николай Гумилев. Неизданное и несобранное. Paris: YMCA-PRESS, 1986. С. 209–294.
9. Брюсов В. Новые течения в русской поэзии. Акмеизм // Акмеизм в критике. 1913–1917 / сост. О.А. Лекманов, А.А. Чабан. СПб.: Гуманитарная академия; Изд-во Тимофея Маркова, 2014. С. 182–191.
10. Волкова Е.В. Литературная школа // Введение в литературоведение / Под общ. ред. Л.М. Крупчанова. М.: Издательство Оникс, 2005. С. 302–305.
11. Горнфельд Ар. Символисты // Энциклопедический словарь. Т. XXIXA. СПб.: Издательское дело; Брокгауз-Ефрон, 1900. С. 912–917.
12. Городецкий С. Н. Гумилев. Чужое небо. Изд. «Аполлона». Спб. 1912 г. // Речь. 1912. 15 (28) октября. № 282 (2237). С. 3.
13. Городецкий С. Пир поэтов («Антология» Мусагета) // Речь. 1911. 27 июня (10 июля). № 173 (1769). С. 3.
14. Городецкий С. Цветущий посох. Вереница восьмистиший. СПб.: Грядущий день, 1914. 139 с.
15. Гумилев Н.С. Полное собрание сочинений: в 10 т. М.: Воскресенье, 1998–2007.
16. Записные книжки Анны Ахматовой (1958–1966). М.; Torino: Giulio Einaudi editore, 1966. 847 с.
17. Кихней Л.Г. Акмеизм: Миропонимание и поэтика. М.: МАКС-Пресс, 2001. 184 с.
18. Кормилов С.И. Направление, течение, школа // Литературная энциклопедия терминов и понятий. Гл. ред. А.Н. Николюкин. М.: Интелвак, 2001. Стлб. 604–606.
19. Кузмин М. Как я читал доклад в «Бродячей собаке» // Синий журнал. 1914. № 18. С. 6.
20. Кузнецова О.А. Дискуссия о состоянии русского символизма в «Обществе ревнителей художественного слова» (обсуждение доклада Вяч. Иванова) // Русская литература. 1990. № 1. С. 200–207.
21. Лекманов О.А. Книга об акмеизме и другие работы. Томск: Водолей, 2000. 704 с.
22. Львовский Л. Новый Кольцов // Акмеизм в критике. 1913–1917 / сост. О.А. Лекманов, А.А. Чабан. СПб.: Гуманитарная академия; Изд-во Тимофея Маркова, 2014. С. 219–220.
23. Мочульский К. Новый Петроградский цех поэтов // Последние новости.

1922. 2 декабря. № 804. С. 2.

24. Известные письма Н.С. Гумилева (Публикация Р.Д. Тименчика) // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1987. Т. 46. № 1. С. 50–78.

25. Ронен О. Акмеизм // Звезда. 2008. № 7. С. 217–225.

26. Степанов Е.Е. Летопись жизнь Николая Гумилева на фоне его полного эпистолярного наследия. 1886–1921. Т. 2. М.: Азбуковник, 2019. 864 с.

27. Тименчик Р. Из Именного указателя к «Записным книжкам» Ахматовой: Городецкие // Блоковский сборник XVIII: Россия и Эстония в XX веке: Диалог культур. Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2010. С. 26–50.

28. Филатов А.В. Литературные отношения С.М. Городецкого и Н.С. Гумилева в аспекте формирования акмеизма (на материале журнально-газетной публицистики 1908–1910 гг.) // Новый филологический вестник. 2020. № 4(55). С. 185–198.

29. Ходасевич В. Русская поэзия. Обзор (Отрывок) // Акмеизм в критике. 1913–1917 / сост. О.А. Лекманов, А.А. Чабан. СПб.: Гуманитарная академия; Изд-во Тимофея Маркова, 2014. С. 345–348.

30. Чабан А.А. Журнал «Гиперборей»: своеобразие и роль в системе акмеизма: дис. ... канд. филол. наук.: 10.01.01. М., 2011. 150 с.

REFERENCES

(Articles from Scientific Journals)

1. Azadovskiy K. Iz arkhiva N.S. Gumileva [From N.S. Gumilev's Archive]. *Zvezda*, 2018, no. 5, pp. 179–194. (In Russian).

2. Filatov A.V. Literary Relations of S.M. Gorodetsky and N.S. Gumilev in the Aspect of the Formation of Acmeism (Based on the Material of Magazine and Newspaper Journalism of 1908-1910) [Literaturnyye otnosheniya S.M. Gorodetskogo i N.S. Gumileva v aspekte formirovaniya akmeizma (na materiale zhurnal'no-gazetnoy publitsistiki 1908–1910 gg.)]. *Novyy filologicheskyy vestnik*, 2020, no. 4(55), pp. 185–198. (In Russian).

3. Kuznetsova O.A. Diskussiya o sostoyanii russkogo simvolizma v “Obshchestve revniteley khudozhestvennogo slova” (obsuzhdeniye doklada Vyach. Ivanova) [Discussion on the State of Russian Symbolism in the “Society of Zealots of the Artistic Word” (The Discussion of V. Ivanov's Report)]. *Russkaya literatura*, 1990, no. 1, pp. 200–207. (In Russian).

4. Ronen O. Akmeizm [Acmeism]. *Zvezda*, 2008, no. 7, pp. 217–225. (In Russian).

5. Timenchik R.D. (publ., comments). Neizvestnyye pis'ma N.S. Gumileva [Unknown Letters of N.S. Gumilev]. *Izvestiya AN SSSR. Seriya literatury i yazyka*, 1987, vol. 46, no. 1, pp. 50–78. (In Russian).

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

6. Basker M., Graham Sh. Primechaniya [Notes]. *Nikolay Gumilev. Neizdannoye i nesobrannoye* [Nikolay Gumilev. The Unreleased and Unassembled]. Paris, YMCA-PRESS, 1986, pp. 209–294. (In Russian).

7. Gornfel'd Ar. Simvolisty [Symbolists]. *Entsiklopedicheskiy slovar'* [Encyclo-

pedic Dictionary]. Vol. 29A. St. Petersburg, Izdatel'skoye delo Publ.; Brokgauz-Efron Publ., 1900, pp. 912–917. (In Russian).

8. Kormilov S.I. Napravleniye, techeniye, shkola [A Direction, a Trend, a School]. Nikolyukin A.N. (ed.). *Literaturnaya entsiklopediya terminov i ponyatiy* [Literary Encyclopedia of Terms and Concepts]. Moscow, Intelvak Publ., 2001, pp. 604–606. (In Russian).

9. Timenchik R. Iz Imennogo ukazatelya k “Zapisnym knizhkam” Akhmatovoy: Gorodetskiye [From the Nominal index to Akhmatova’s “Notebooks”: The Gorodetskiye]. *Blokovskiy sbornik XVIII: Rossiya i Estoniya v XX veke: Dialog kul'tur* [Blok Collection XVIII: Russia and Estonia in the 20th Century: A Dialogue of Cultures]. Tartu, Tartu Ülikooli Kirjastus, 2010, pp. 26–50. (In Russian).

10. Volkova E.V. Literaturnaya shkola [Literary School]. Krupchanov L.M. (ed.). *Vvedeniye v literaturovedeniye* [Introduction to Literary Criticism]. Moscow, Oniks Publ., 2005, pp. 302–305. (In Russian).

(Monographs)

11. Kikhney L.G. *Akmeizm: Miroponimaniye i poetika* [Acmeism: Worldview and Poetics]. Moscow, MAKSPress Publ., 2001. 184 p. (In Russian).

12. Lekmanov O.A. *Kniga ob akmeizme i drugie raboty* [The Book on Acmeism and Other Works]. Tomsk, Volodey Publ., 2000. 704 p. (In Russian).

13. Stepanov E.E. *Letopis' zhizn' Nikolaya Gumileva na fone ego polnogo epistolyarnogo naslediya. 1886–1921* [The Chronicle of the Life of Nikolay Gumilev's Life of Against the Background of the Complete Epistolary Heritage. 1886–1921]. Vol. 2. Moscow, Azbukovnik Publ., 2019. 864 p. (In Russian).

14. *Zapisnyye knizhki Anny Akhmatovoy (1958–1966)* [Anna Akhmatova's Notebooks (1958–1966)]. Moscow – Torino, Giulio Einaudi editore, 1966. 847 p. (In Russian).

(Thesis and Thesis Abstracts)

15. Chaban A.A. *Zhurnal “Giperborey”: svoyeobraziye i rol' v sisteme akmeizma* [“Hyperborean” Magazine: Its Originality and Role in the System of Acmeism]. PhD Thesis. Moscow, 2011. (In Russian). 150 p.

Филатов Антон Владимирович, Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН; Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова.

Кандидат филологических наук, научный сотрудник научной лаборатории «Rossica: Русская литература в мировом культурном контексте» ИМЛИ; преподаватель кафедры теории литературы филологического факультета МГУ. Научные интересы: теория литературы, русская литература XX в., акмеизм, аксиология, мифопоэтика.

E-mail: avphilatov@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0001-6683-9376

Anton V. Filatov, A.M. Gorky Institute of World literature of the Russian Academy of Sciences; Lomonosov Moscow State University.

Candidate of Philology, Researcher at the Research Laboratory “Rossica: Russian Literature in the Context of World Culture”, IWL RAS; lecturer at the Department of Theory of Literature, Philological Faculty, MSU. Research interests: theory of literature, Russian literature of the 20th century, acmeism, axiology, mythopoetics.

E-mail: avphilatov@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0001-6683-9376